

ВИКТОР ТАНЧЕР,

доктор философских наук, заведующий
отделом истории, теории и методологии
социологии Института социологии НАН
Украины

Социология и идеология в ракурсе постмодерного мышления

Abstract

Interrelation of sociology with ideology have subjected to argument since the formation of this branch of science. In the present-day situation the traditional problem of the ideologization of sociological knowledge is perceived from the post-modern viewpoint as a rejection of modernist ideological garment — both bourgeois and communist. Instead, the slogan of “ideology of professionalism” is propounded. In the article the points of view of A.Giddens, R.Collins, Z.Bauman, J.Alexander et al. are analyzed in the context of the problem discussed.

Отношения социологии и идеологии с самого начала, с момента формирования новой науки складывались в противоречивом соединении противоположных направлений. С одной стороны, постоянное сопротивление новой научной дисциплины каким-либо связям с идеологией, отрицание “идеологического оплодотворения”, провозглашение “ценностно незаангажированного” подхода к социальной реальности, отстаивание объективности, непредвзятости, наконец, принципиальной внеидеологичности... С другой стороны, открытое или замаскированное прислужничество властям, их идейным директивам, зависимость от “власть предержащих” и их мировоззренческих предпочтений, от финансовых источников и “общественного заказа”, а следовательно, от прихотей “заказчика”, в большинстве своем идейно зашоренного.

Амбивалентная природа общественной науки, сложность детерминации оснований саморефлексии обуславливают извечность существующей

антиномии. Отрицание, зависимость, отвращение, пристрастия определяют противоречивую неразрывность идеологических и научных аспектов социального анализа. В истории социологической науки это неразрешимое разногласие проявлялось в исповедовании различных, порой несовместимых идейно-теоретических и методологических установок, в попытках синхронно выполнять различные общественные задачи: критической аналитики и социальной инженерии, научной рефлексии и социального контроля.

В проекте новой науки социологии собственно аналитически-критическая функция ограничивалась в зависимости от социально-политического строя, в пределах которого эта наука институционализировалась. А поскольку социология формировалась в контексте и под влиянием факторов эпохи модернизма и принципов буржуазной демократии, то в ней предполагалось определенное место для социального критицизма. Идеология либерализма выступала гарантом определенной автономности, но в любом случае эта идеология оставалась “патроном”, “заказчиком”, а следовательно, сохраняла верховенство. Большинство социологов воспринимали такое положение как данность, как необходимость “служения своему обществу”, под которой скрывался заказ господствующих слоев. Часть социологов (западные марксисты, леворадикальные социологи 60-х годов, внеакадемические критики “истеблишмент социологии” 70-х годов...) пытались оспорить подобное понимание своей дисциплины, декларируя иные задачи и направления действий в сфере социологии. Например, в среде американских леворадикальных социологов 60-х годов был популярен лозунг: “Социология должна быть пращей в руках гражданина-Давида, чтобы одолеть Голиафа-государство”. Защищать человека перед “системой” — такое задание выдвигалось гуманистической социологией.

Внутри социологического корпуса с самого начала наметились две тенденции взаимоотношений с господствующей идеологией и понимания своей роли в этих взаимоотношениях. Первую обосновывал Г.Спенсер, усматривая залог “научности” социологии в защите рыночного капитализма, вторую — Э.Дюркгейм, проводивший идеи этического социализма, и К.Маркс, доказывавший преимущества антикапиталистической идеологии с помощью экономических аргументов. С той поры в социологии сформировалось два течения — “левые” и “правые”, радикалы и консерваторы. В зависимости от ракурса исторического анализа, известные фигуры социологической науки попадали в тот или другой лагерь.

Современная ситуация на идеологическом фронте вносит свои коррективы в традиционное (хотя всегда весьма условное) размежевание на левых и правых. На данном историческом этапе бесспорную победу одержала неолиберальная (правая) идеология. Те социологи, которые не признают ее претензий на “лучшесть”, лишаются мировоззренческой почвы. Социалистическая идеология продемонстрировала свое банкротство, потеряла в глазах серьезных аналитиков свой авторитет как антитезис рыночному капитализму.

Таким образом, разрушается внутреннее идейное противостояние, интрига, фактор внутридисциплинарных дискуссий и развертывания соперничества в служении гуманистическим идеалам. Теоретико-методологические споры всегда являлись стимулом развития дисциплины, сторонники определенных подходов, как правило, становились под соответствующие

идеолого-мировоззренческие флаги. Ныне все это теряет смысл. Доминирует единая идеология; глобализация рыночного общества стала общепризнанным тезисом. Одноукладная мировая система становится единственным заказчиком и потребителем социологического обслуживания. Именно “рыночная” ориентация социологических исследований, несмотря на заявления о “социальных” функциях дисциплины, становится ее главной характеристикой. Приоритеты мировой экономической системы неотвратимо становятся приоритетами социологической науки. Тематика социальных проблем, болезней и конфликтов вытесняется на периферию или же получает идеологически искаженное освещение. Все, что не укладывается в рыночную модель, игнорируется. И особенно проблемы, не имеющие разрешения в рамках этой модели. Речь прежде всего идет о все большем распространении бедности, хронических заболеваний, насилия, о проблемах этнических меньшинств, людей неграмотных, да и вообще всех “неконкурентоспособных” в современных условиях, вплоть до тех, “кто просто не имеет доступа к Интернету”, кто “не поспекает” за модернизационным развитием. “Ситуация постмодерна”, сложившаяся в отдельных регионах мира, резко контрастирует с отсталым в модернизационном плане большинством.

Трудно не согласиться с Р.Конеллом, который, размышляя над перспективами социологии в “мировом рыночном обществе”, отмечает зависимость направлений социологических исследований от мировоззренческой модели, отвечающей этой социальной форме, доминанция которой определяет культурные процессы, ценностные предпочтения и формы знаний. Он замечает, что проблемы модернизации нельзя изучить и разрешить, не затрагивая устоев организации рыночного общества. Например, изучение девиантности в таких ее проявлениях, как распространение наркотиков или криминального насилия, невозможно без того, чтобы не затронуть общую систему мировой торговли наркотиками и оружием, ту неотъемлемую часть “свободного рынка”, которой вряд ли можно гордиться [1]. В условиях упадка социологического критицизма (например, направлений леворадикалистской социологии и “критической теории” 60–70-х годов) практически отсутствует идейная поддержка исследовательских проектов, привлекающих внимание к уязвимым местам модели, настойчиво выставляемой в качестве образца.

В значительной мере биполярный мировоззренческий мир XX столетия превращается в однополюсный на рубеже тысячелетий, создавая новую ситуацию для социологической рефлексии, существенно сужая ее социокритические возможности. “Одноцветная социология” много теряет в своем первородном предназначении — как инструмент гуманизации человеческих отношений. В противовес этому проблема неизбежности “идеологического оплодотворения” любого социологического анализа в значительной мере снимается в постмодернистском видении социальной действительности.

Новейшие реалии взаимодействия социологии и идеологии обуславливают распространение мнений, существенно отличных от прежних суждений социологов модерного толка относительно данного взаимодействия и обязательной приверженности социологов к определенным мировоззрен-

ческим основаниям. Постсовременный ракурс предлагает свои выводы касательно данной проблемы.

Три основные сферы конфликтности современного общества — классовых, гендерных и расовых взаимоотношений — переживают радикальные изменения. Это предполагает совсем другие пути проведения политики в сферах классовых, гендерных и расовых отношений. Они проходят, по мнению приверженцев постмодерного подхода, вне экономических и социальных дифференциаций. Первостепенную важность приобретают иные — не экономические или сугубо социальные различия, а следовательно, идеологические расхождения, вырвавшиеся на почве столкновения экономических или социальных интересов, лишаются живительного грунта.

В частности, Э.Гидденс связывает такие трансформации с упрочением контрсил, порожденных модернизацией. Они являются ответом на “глобальные риски”: социальное неравенство капитализма, разрушение экосистемы индустриализацией, распространение оружия массового поражения, подавление демократических свобод. Постмодерная ситуация способствует процессам, нейтрализующим эти риски: развитию внеприбыльной экономики в пределах капитализма, гуманизации индустриализма, диалоговой коммуникации в области властных отношений и диалоговой демократии в противовес распространению сервильности, прислужничества.

Сплошная амбивалентность постмодерного мира воспроизводит дилеммы, с которыми сталкивается общество. Возможность радикальных перемен к лучшему неотъемлема от вероятности комплексных проблем. Обе связаны с “глобальными рисками”. Решение этих дилемм Гидденс ищет в постмодерном мышлении, где вместо “свободы от” утверждается “свобода для”, иначе говоря, вместо свободы от неравенства и рабства — стремление к самореализации как основе этики индивидуальной самоидентификации [2, с.139–140]. Отсюда цель разумной политики состоит в обеспечении такой самореализации, основывающейся на коллективных социальных движениях и группах самопомощи. Очевидно, что прежние идеологические конструкции мало приспособлены к этому.

Английский теоретик доказывает, что политические идеологии уже исчерпали себя, став анахронизмами. Так, консерватизм коллапсирует, вырождается в формы фундаментализма, либерализм разрушается вследствие внутренних разногласий, а социализм устарел, поскольку строился на кибернетической модели повального контроля над социальной жизнью, который может срабатывать только в слаборазвитом обществе и неприемлем для современных, сложных обществ [3; 8].

Вытеснение мировоззренческой идеологии и политического видения за пределы социологического теоретизирования, обусловленное идейной альтернативностью, неминуемой при всей очевидной односторонности доминирующей идеологии, не оставляет это “святое место” пустым. Теперь в социологических кругах все чаще говорят о “профессиональной идеологии”. Ядром такой профессиональной идеологии, по мнению ведущего теоретика общей социологии Р.Коллинза, является понимание общества как дискурса. То есть общество предстает как своего рода текст, который мы каждый раз прочитываем по-разному [4, с.52–53].

Популярность концепции дискурса как господствующего мировоззрения обусловлена, не в последнюю очередь, распространением культурного и

теоретико-методологического релятивизма — одного из фундаментальных тезисов постмодерного мышления. Это также способствует упрочению фактора деидеологизации социологического знания.

По мнению другого известного теоретика нашей дисциплины — Дж.Александера, новые общества, возникающие вследствие современных системных трансформаций, не предполагают ни радикального расслоения, ни коммунитарной всеобщей свободы и лишены революционного пафоса и тотальности. Они плюралистичны, политически демократичны и экономически рыночны. Лучше всего они концептуализируются в обновленной версии гражданского общества. Эта концептуализация, по утверждению Дж.Александера, является продолжением парсонсовских принципов развития “социетальной общности”, на основании которых Т.Парсонс объясняет интеграцию экономически стратифицированного и политически бюрократизованного общества с относительно автономными социальными сферами, происходящую скорее на почве культурных влияний и убеждений, нежели на основании денег и власти. Оно функционирует на основе институционализированных ценностей универсальных прав человека, то есть ценностно-нормативное строение такого общества, вроде бы, не нуждается в идеологических стропилах.

Такой подход в равной мере противостоял и технократическим, неоконсервативным, и коммунитаристским, леворадикальным взглядам. И те, и другие, по мнению Александера, не выдерживали критики и были неубедительны в своих ответах на обвинение их в подчинении духовного развития “миру необходимости” и в экономической “колонизации жизненного мира”. Таким образом, выразительно обозначилась тенденция смещения акцента с требований экономической эффективности и социального равенства на процессы общественной жизни, развитие организационной демократии, расширение возможностей индивидуальной самореализации [5, с.797–803].

Заслуживают внимания также оценки места идеологии в перспективе развития социологии с точки зрения еще одной заметной фигуры на современной теоретической сцене — И.Валлерстайна. Он считает, что либеральная идеология навязывает научным институциям ошибочные теоретические основания, согласно которым модернизация обусловила разделение общественного порядка на три сферы: государственную (политическую), рынок (экономическую) и гражданское общество (общество/культуру). Акцент на обособленности этих трех сфер, на том, что они функционируют каждая согласно собственной логике и что, соответственно, ученые и политики должны это подтверждать, создает миф, не слишком полезный для социологии. Такое разграничение общественных сфер мешает социологическому анализу (к тому же, искусственно оторванному от исторического анализа), приводит к сепарации понятийного аппарата, теоретического языка, существенно затрудняя разработку общих обществоведческих аналитических положений.

Догматы либеральной идеологии, таким образом, являются препятствием в дальнейшем продвижении социологической науки, в превращении ее в действительно основополагающую, комплексную науку о современном обществе. Междисциплинарные барьеры, которые, согласно постмодернистской логике, должны быть разрушены, не только препятствуют обще-

социологической аналитике, они обрекают социологию на второстепенную роль ассистента других дисциплин. Высвобождение из идеологических пут для неомарксиста И.Валлерстайна (как его часто определяют), интернационализация (иными словами, лишение прозападной ориентации) социологической науки, новое утверждение ценностной нейтральности — все это является для него предпосылками едва ли не спасения социологии в современную “эру трансформации” [6, с.307].

Показательным примером постмодерного видения рассматриваемой проблемы могут быть суждения Э.Гидденса об идеологических подходах [7; 8; 9]. В соответствии с логикой этих суждений, в современном мире социополитические теории продолжают пребывать в силовом поле двух мировоззренческих полюсов — капитализма и социализма. И что бы там ни писали о социализме, настаивает Гидденс, — и то, что он существовал лишь как утопическая программа, и то, что “реальный социализм” не имел ничего общего с Марксовой теорией — но социалистические идеи были реальностью времени, их исповедовали миллионы, они составляли фундамент социально-политических программ и целей общественного развития и ныне остаются источником надежды и теоретической базой для тех, кто не воспринимает капиталистических принципов. То есть социализм как идеологическая конструкция существует, реконструируется, достраивается и, наконец, функционирует как система взглядов, убеждений, практик... Что касается системы капиталистических идей и стратегий общественного развития, то и она испытывает дальнейшее переконструирование.

Следовательно, историческое противостояние идей еще не нашло окончательного разрешения, несмотря на многочисленные утверждения о “смерти идеологий”. В глобальной перспективе капитализм отнюдь не демонстрирует безоговорочных преимуществ. Он обеспечил решение задач модернизации, но этап постмодерных вызовов современной западной цивилизации выдвигает новые задачи, на которые еще не найдено адекватных ответов. Для этого, вероятно, нужны другие идейные основания.

Мнение Гидденса в этом смысле вызывает интерес, поскольку он — признанный аналитик процессов общественной модернизации и изменений в социальной теории в свете синтезационного развития идей Маркса, Вебера и Дюркгейма времен “позднего модерна” и постмодерного их толкования. Он является ведущим представителем современных социологов, ставящих своей целью преодоление традиционного дуализма социологического познания (между действием и структурой, индивидом и обществом и т.п.). В последних своих трудах он уделяет внимание преодолению дихотомии между “левой” и “правой” идеологическими позициями [7].

Именно в этом плане Гидденс представляет постмодернистский подход к идеологическим каннотациям. По Гидденсу, социализм существует на двух уровнях: первый — это набор идей, положений, постулатов, которые могут дискутироваться и развиваться, второй — это реально существующие государства-общества. Таким образом, теоретизирование относительно социализма также должно разворачиваться на двух уровнях: концептуальном, призванном прояснить вопрос, каким должно быть “хорошее общество”, и практически приближенном, который исходит из того, что социализм уже не является беспроблемной, непротиворечивой идеологией, автоматически преодолевающей недостатки и ограничения капитализма. Она может вы-

рождаться в такие опасные формы, которые демонстрировали страны государственного социализма. Английский социолог не раз повторял, что у социализма “уже отнюдь не чистые руки”, что он не может “обвинять во всех социальных демонах” только капитализм [8, с.248].

Гидденс утверждает, что стоит сделать попытку “деконструкции исторического материализма”. Не так, как пытался Ю.Хабермас, то есть обличая явные ошибки и разногласия материалистической теории марксизма, иначе говоря, осуществляя его реконструкцию. Этим уже не обойтись.

Деконструкция является одним из ключевых понятий постмодерного подхода. Будучи введено в научный оборот французским социологом Ж.Деррида — одним из основателей постмодернистского мышления, — оно означает определенную операцию относительно традиционной структуры основных понятий позитивистской онтологии. Деконструкция направлена прежде всего против такого основополагающего тезиса Просветительской метафизики, как логоцентризм, и представляет собой своеобразный критический метод анализа содержания философских трудов посредством разборки и сборки заново их составляющих (“предложений”), что имеет целью сместить центр внимания с автора и очевидного смысла произведения в сторону имплицитных смыслов и значений, демаскировать их, раскрыть невидимые структуры текстов, существующие независимо от автора. Таким образом, деконструкция мировоззренческих систем ведет к обнажению их глубинного сходства и нивелированию различий.

Радикальные сторонники постмодерного подхода, обращаясь к рассмотрению новых проблем общественного развития, отвергают как капиталистическую, так и социалистическую перспективу. А вот консерваторы обеих ипостасей, по словам Гидденса, чересчур схожи в своем упорстве. Демонстрируя идеологическую непримиримость, они, по сути, объединяются на почве презумпции незыблемости мировоззренческих устоев, которые — будь то прокапиталистические, либо же просоциалистические — давно уже не соответствуют изменяющейся реальности. Уступая друг другу место, они, в итоге, вместе противостоят новому постмодерному мышлению.

В ракурсе постмодерного понимания общество предстает как дискурс, то есть как наперед заданный способ мышления, интерпретативная модель, совокупность принципов и теоретический язык анализа. Согласно постмодернистскому видению, мы живем в мире дискурса. Общество — это, собственно говоря, разновидность текста, предполагающего неоднозначное прочтение. Следовательно, речь идет об определенной релятивизации историко-социологического анализа: нет ничего определенного, достоверного; в результате изменения контекста или ракурса видения изменяется содержание изучаемых событий, явлений, процессов. Здесь уже нет места идеологически-мировоззренческим рамкам.

Постмодерность — это институционализованный плюрализм. Это, судя по аргументам ее сторонников, принципиальное разнообразие, случайность и амбивалентность наблюдений, выводов и обобщений, которыми оперируют социологи — в противоположность акценту на универсальности, закономерности, одномерности, прозрачности и пр. социологии времен модерна. В ситуации постмодерна мировоззренчески определенная теоретико-методологическая стратегия выявляет свою неадекватность, поскольку нынешняя социальная реальность преимущественно предстает как дис-

курсивная активность, поток рефлексивности, интерпретации и реинтерпретации. Отсюда — социолог не может претендовать на роль “рефери”, “толкователя истины”, а выступает скорее “интерпретатором”, равным среди других.

Таким образом, концепция дискурса получает статус господствующего мировоззрения в современной социологии. Она становится, по словам Р.Коллинза, “профессиональной идеологией”, делающей ненужной любую другую идеологию. Отсюда предлагается вывод о неоправданности предпосылки какой бы то ни было конкурирующей точки зрения.

Литература

1. *Connell R.W.* Charting Futures for Sociology // *Contemporary Sociology*. — 2000. — Vol.29. — № 2. — P.291–296.
2. *Giddens A.* *The Consequences of Modernity*. — Cambridge, 1990.
3. *Giddens A.* *Beyond Left and Wright // A Contemporary Critique of Historical Materialism*. — London, 1981.
4. *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? // *Теория общества / Под ред. А.Филипова*. — М., 1999. — С.52–53.
5. *Alexander J.* *The Return to Civil Society // Contemporary Sociology*. — 1993. — Vol.22. — № 6. — P.797–803.
6. *Wallerstein I.* *Where Should Sociologists Be Heading? // Contemporary Sociology*. — 2000. — Vol.29. — № 2. — P.307.
7. *Giddens A.* *Social Theory and Modern Sociology*. — Cambridge, 1987.
8. *Giddens A.* *Profiles and Critique in Contemporary Theory*. — London, 1982.